

Нон-фикшн-бестселлер №1 в Китае о становлении личности.
От директора GQ China и модного бренда Magmode

Цай Чунда

皮

囊

Продано более
4 000 000
экземпляров

ИЗ КОЖИ ВОН

Правдивая история о том,
что делает нас людьми

Цай Чунда
Из кожи вон. Правдивая
история о том, что
делает нас людьми
Серия «МИФ Культура»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64794387

*Цай Чунда. Из кожи вон. Правдивая история о том, что делает нас людьми: Манн, Иванов и Фербер; Москва; 2021
ISBN 9785001695561*

Аннотация

Цай Чунда еще молод, но добился в жизни очень многого. Еще больше он оставил позади, чтобы двигаться вперед. В этой книге автор делится с читателями своими мыслями о жизни, судьбе и предназначении, неминуемой старости и смерти, разрыве между идеалами и реальностью, а также выборе жизненного пути, который, казалось бы, нам не принадлежит. Его правдивая история так болезненна, словно вырезана на коже, и при этом проста и ясна. Она будет понятна человеку из любой страны и культуры.

На русском языке публикуется впервые.

Содержание

Отзывы	6
Глава 1. Из кожи вон	13
Глава 2. Дом моей матери	18
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Цай Чунда

Из кожи вон. Правдивая история о том, что делает нас людьми

Издано с разрешения автора и агентов The Grayhawk Agency Ltd. при содействии The Van Lear Agency LLC

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Cai Chongda, 2014 All rights reserved. Russian translation edition is published by arrangement with The Grayhawk Agency Ltd., through The Van Lear Agency.

© Перевод на русский язык, издание на русском языке. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2021

Цай Чунда

Из кожи вон

**Правдивая история о том,
что делает нас людьми**

Перевод с китайского
Екатерины Корневой

Москва
«МАНН, ИВАНОВ И ФЕРБЕР»
2021

ОТЗЫВЫ

Когда в руки попадает хорошая увлекательная книга, хочется быстрее дочитать ее до конца, но в то же время мечтаешь, чтобы она никогда не заканчивалась. Не буду говорить, какие чувства вызывает книга Цая Чунда, потому что читатели не нуждаются в докучливых отзывах рецензентов, портящих первое впечатление.

Я был знаком с его статьями и потому с нетерпением ждал, когда он напишет книгу. Я взял ее с собой в поездку и не спеша смаковал одну главу за другой до самого рассвета, пока не загорелись светофоры и машины не выстроились в пробках.

Насколько я знаю, Цай Чунда писал эту книгу долго, и мне жаль, что я не мог читать ее еще дольше. Не спешите, не пробегайте глазами текст, чтобы быстрее дойти до конца. Тише едете – дальше будете.

Хань Хань¹ 11 ноября 2014 года

¹ Хань Хань – китайский автогонщик, певец, писатель, самый популярный в Китае блогер. После выхода в 2000 году романа «Тройная дверь» получил известность и как писатель; за последние двадцать лет его роман, разошедшийся тиражом свыше 20 млн, стал самым успешным китайским бестселлером. *Здесь и далее примечания переводчика.*

Чтобы жизнь стала ярче

Мы познакомились с Цаем Чунда два-три года назад, и я вскоре понял, не раз беседуя с ним по душам, что он чистосердечный и искренний человек. Я знал, что он журналист, но никогда не читал, что он пишет, пока он не прислал мне свою книгу.

Я сразу почувствовал, что она в точности такая, как он сам: открытая и искренняя. Автор без утайки описывает свой жизненный опыт, не скрывая пережитых радостей, огорчений, удовольствий, скорби и страсти. Он обо всем говорит так, как это было на самом деле.

Когда осознаешь непостоянство и мимолетность человеческой жизни, порой хочется отстраниться, чтобы уберечь себя, если событие не затрагивает тебя напрямую. Но, видя, как Цай Чунда раскрывает душу и обнажает сердце, забываешь о безразличии и апатии, поскольку переживания его героев задевают тебя за живое – каждый может поставить себя на их место. Они представляются нам такими знакомыми и такими обычными – это и понятно, ведь мы все и есть обычные люди.

Наша жизнь меняется в зависимости от того, каких людей мы встречаем на своем пути. Некоторые вдохновляют нас и ведут за собой как путеводная звезда. В своей книге Цай Чунда рассказывает о тех,

кого он встретил на своем жизненном пути. Благодаря им он шаг за шагом добивался своих целей. А мне встретился Цай Чунда. Я прочитал его книгу, и она озарила мою жизнь.

Энди Лау (Лю Дэхуа)² 30 сентября 2014 года

Зная сердце, узнаешь человека

- Если тело сгниет, что останется?
- Душа останется.
- Правда? А у людей есть душа?
- Есть.
- Ты прямо как Сян Линь³. Ну ладно, ладно. Я тебе верю.

Что происходит с душами, покинувшими тело? Они спускаются в преисподнюю, поднимаются в рай или блуждают по свету? Когда я читал сочинения древних, мне всегда казалось, что голодные бесприютные духи мечтают о том, чтобы вновь стать людьми, вновь заполучить телесную оболочку – тот самый кожаный мешок.

Ведь он, кожаный мешок, дарит нам тепло, счастье и наслаждение. И в то же время из-за хрупкости этой оболочки мы испытываем стыд и боль.

Цай Чунда написал книгу и назвал ее «Из кожи вон».

² Энди Лау (Лю Дэхуа) – известный гонконгский певец и актер.

³ Сян Линь – главная героиня рассказа Лу Синя «Моление о счастье».

Когда я читал про смерть его отца и тот момент, как автор кричал от боли и гнева, то почувствовал, что со мной происходит какая-то странная вещь.

Мои железы вдруг зафункционировали и стали выделять жидкость, которую люди называют слезами.

Я убеждал себя, что нет смысла плакать, ведь такое в мире случается каждую минуту.

И дело не в том, что при жизни у нас не хватает времени заботиться о родителях, как они того заслуживают. Как ужасно, что все люди обречены на страдание, одиночество и беспомощность. Сын ничем не поможет отцу. Все тщетно. Похоже, жестокий закон кожаного мешка ничего не обещает – ни чуда, ни надежды.

Все так. Но только у кожаного мешка, какого бы объема он ни был, есть сердце.

Человеческую жизнь можно уподобить путешествию с кожаным мешком за плечами, мешком, внутри которого лежит сердце.

Сердце часто спит, но иногда оно просыпается; когда это происходит, оно освещает мешок изнутри.

Когда в темноте загорается много таких «фонариков», люди видят и узнают друг друга.

«Из кожи вон» – это книга о том, что, узнав сердце, узнаешь человека.

Цай Чунда родился в 1980-е годы. Я давно обратил внимание, что тема отцовства стала исчезать из литературы начиная с 1970-х годов, словно отец

находится где-то далеко и черты его лица уже расплываются в памяти. Фигура отца больше не вызывает уважения, страха, сопротивления, не является объектом анализа. Отец скрывается за завесой, растворяется в тени.

Но отец Цая Чунда неоднократно появляется в книге. Автор со смешанными чувствами описывает, как отец покидает родной дом, приезжает обратно, заболевает, пытается побороть болезнь и сохранить достоинство, но терпит поражение и словно возвращается в детство, а потом покидает этот мир.

Мы увидели свет, который пробивался у него изнутри, мы увидели его отвращение, любовь, раздражение, жалость, тревоги и лишения.

И еще мы видели, как Цай Чунда рос и взрослел.

Став взрослым, он осветил горящим сердцем и других людей, которых встречал в своей жизни. Именно поэтому он написал свою книгу.

«Познай самого себя», – говорил западный мудрец⁴.

Но чтобы узнать самого себя, нужно сначала узнать других людей.

Благодаря тому что мы встречаемся с разными людьми, взаимодействуем с ними, озаряем их своим светом, мы лучше узнаем себя. Таковы законы мира людей, о котором писала Сьюзен Сонтаг⁵. Человеку

⁴ Познай самого себя – на самом деле эта древнегреческая надпись, высеченная в виде граффити на стене античного храма Аполлона в Дельфах, не имеет авторства.

⁵ Сьюзен Сонтаг (англ. Susan Sontag; 1933–2004) – известная американская

непременно хочется видеть смысл в этой жизни.

Тяжело, наверное, писать такую книгу.

Должно быть, его сердце исполосовано шрамами.

Но это и хорошо, так как израненное сердце – сердце, которое болит, истекает слезами, дрожит, – остается восприимчивым и чутким, оно сжимается и бьется.

Порой тело забывает о нем. Но живое, быющее, горящее сердце всегда помнит о теле, ведь наша телесная оболочка обозначает жизненные пределы. Возможно, в жизни потому и есть смысл, что она конечна. Чтобы противостоять смерти, мы из последних сил тянемся к другим людям, выходим из себя, напрягаем силы и волю, вождееем и мечтаем.

Все это крайне важно и интересно, но все равно смысл жизни ускользает от нас.

Вот почему душа, которая, с точки зрения китайцев, живет в сердце, так привязана к своей человеческой оболочке. Китайцы верят, что в небесных чертогах нестерпимо холодно. Кто захочет остаться в ледяном раю? Каждый предпочтет вернуться в мир людей и прожить жизнь заново.

*Раз на раз не приходится,
Сон и явь отличаются.
Если переписать все заново,
Придется начать все сызнова:
И падать в пропасть,*

Я не могу определить, что это за книга, – во всяком случае это не роман и не автобиография. Но точно знаю, чем она не является, – это не развлекательная модная книжонка и не занудный «творческий труд». Литература не так важна, как жизнь, как тело, как сердце. Литература намного проще. Цай Чунда не пишет «гладко», в его стиле есть шероховатость и недосказанность, но, когда он раскрывает перед нами душу, не думаешь о стиле и приемах, а видишь только, как он, положив руку на сердце, рассказывает о том, что ему довелось пережить.

Ведь он так молод, но столько испытал...

Ли Цзинцзэ⁶ 8 ноября 2014 года

⁶ Ли Цзинцзэ – вице-председатель Союза писателей Китая.

Глава 1. Из кожи вон

Моя прабабушка со стороны матери дожила до девяноста девяти лет. Нрав у нее был крутой. Ее дочь – моя бабушка – внезапно умерла на шестом десятке. Что может быть ужаснее, чем пережить собственного ребенка? Родственники беспокоились за прабабушку и по очереди присматривали за ней. Однако в день похорон она, бранясь без всякого повода, суетливо засеменила к гробу, открыла крышку и взглянула на лицо дочери, потом проверила на кухне, готовы ли жертвенные приношения. Вернувшись в зал, прабабушка услышала шум – кто-то пытался убить курицу, но не сумел перерезать сонную артерию, и несчастная металась по всему дому, разбрызгивая кровь. Прабабушка резво бросилась к птице, схватила ее и со всей силы безжалостно швырнула об пол.

Курица несколько раз беспомощно дернула лапкой и затихла. «Так-то лучше! Негоже, чтоб душа мучилась в теле», – прабабушка порой выражалась весьма витиевато, хотя и была безграмотной крестьянкой. Правда, некоторые считали ее колдуньей.

Все, словно онемев, молча смотрели на нее.

На похоронах прабабушка не проронила ни звука. Даже когда гроб с телом вот-вот должен был отправиться в печь, она лишь прищурилась и бросила на рыдающих родственников

ков косой, будто презрительный взгляд. Не исключено, что прабабушка просто клевала носом – ведь она была уже очень старой.

Я тогда ходил в первый класс. У меня не укладывалось в голове, как можно быть такой холодной и бесчувственной. Помню, я все теребил ее: «Бабушка, разве тебе не грустно?» Корявое от старости лицо разглаживалось в едва уловимой улыбке: «А какой в том прок?»

Эту фразу я потом слышал от нее много раз. После смерти дочери она часто приходила к нам в гости. Как-то прабабушка сказала: «Умирая, она просила позаботиться о тебе, Черныш. У тебя ведь нет других бабушек и дедушек, а родители вечно пропадают на работе». Тогда-то я уразумел смысл слов, произнесенных на похоронах.

Прабабушка не знала жалости. Стоило лишь взглянуть, как она резала овощи и мясо – одинаково остервенело кромсая листья и отделяя плоть от костей. Однажды я услышал, как она тихо ахнула на кухне. «Ба, что случилось?» – крикнул я из другой комнаты. «Да ничего, только палец отрезала», – ответила она. Все засуетились, забегали вокруг нее, а она невозмутимо наблюдала за суматохой, словно это вовсе ее не касалось.

Пока мы с матерью ждали у больничной палаты, где прабабушке пришивали кончик пальца, мать рассказала мне историю про моего дядю. Когда он был еще маленьким, прабабушка решила научить его плавать и просто бросила в море.

Еще чуть-чуть, и дядя утонул бы, но сосед, наблюдавший за этой сценой, не выдержал и прыгнул за ним. Ребенка он спас. А через пару дней увидел, как она снова швырнула внука в воду. Люди называли ее бессердечной, а прабабушка лишь цедила сквозь зубы: «Пусть тело служит человеку, а не человек телу».

Когда прабабушку выписали из больницы, я не вытерпел и спросил ее, правду ли рассказала мать. Она спокойно кивнула: «Все верно. Чего ради холить этот кожаный мешок? Знай, как им пользоваться, тогда выйдет толк». Говоря по правде, в то время мне было невдомек, что она имеет в виду.

Мне казалось, она сделана из камня и с ней не может случиться ничего плохого. В нашем городке все знали, какая она упертая. Даже когда прабабушке перевалило за девяносто, она передвигалась из деревни в город на своих двоих, ковыляя на крошечных перебинтованных ножках. Когда ее пытались посадить в машину, она страшно сердилась и говорила мне: «Нет уж, выбирай. Хочешь – иди со мной пешком, а нет – сама дойду». Так что жители городка часто видели, как молодой парень поддерживает старушку, медленно бредущую к себе домой.

И все-таки мне довелось увидеть, как прабабушка плачет. Как-то, решив залатать прохудившуюся крышу, она полезла наверх, а спускаясь, оступилась и упала. В результате ее парализовало – правда, на время. Она угадывала мое присутствие, стоило мне только приблизиться к ее двери, и начи-

нала причитать: «Внучек, милый мой, я как в ловушке, даже пошевелиться не могу». Через пару недель она потребовала, чтобы ей дали пройтись, но, сделав несколько шагов, упала. Прабабушка заплакала и заставила меня пообещать, что я буду регулярно ее проводить. С тех пор она каждый день, толкая перед собой стул, добиралась до двери и весь день напролет ожидала моего появления. Я забегал к ней так часто, как мог, особенно если меня что-то беспокоило. Мы молча сидели рядом, и мне было хорошо и спокойно.

Потом я поступил в университет, нашел работу в другом городе. Мы виделись очень редко, но всякий раз, когда у меня случались неприятности, я отпрашивался с работы и спешил к ней, чтобы побыть рядом. Я рассказывал ей о своих проблемах, в которых она ничего не понимала – а может быть, и вовсе меня не слышала, ведь она уже стала туга на ухо, – но на ее изрезанном морщинами лице мелькала чуть растерянная улыбка, и мне непонятно почему сразу становилось легче на душе.

Однажды, в самое обычное утро, я узнал о ее смерти. Позвонила мать и сказала, что прабабушка покинула нас. Мы оба заплакали. Она пересказала мне ее последние слова: «Скажи Чернышу, чтоб не горевал. Смерть – всего лишь ступенька. Если он будет меня помнить, я приду его навестить. Когда сбросишь с себя мешок, это даже проще».

В тот день я до конца понял смысл прабабушкиных слов, до меня наконец дошло, как она видела этот мир: насколько

легче было бы жить, если бы нас не обременяли наши тела и низменные плотские желания. «Пусть тело служит человеку, а не человек телу», – бабушка, я запомню это. Пожалуйста, выполни обещание и приходи меня навестить.

Глава 2. Дом моей матери

Мать задумала достроить дом, хотя знала, что его снесут через полгода, а то и раньше.

Решение было принято, когда она возвращалась из администрации. В одной из комнат она увидела план сноса: на-карябанная карандашом линия безжалостно – словно нож, разрезающий кубик тофу, – вонзалась в самую середину нашего дома.

Мать буквально услышала тот звук – только не короткий «вжик», а громкий «бам», как удар гонга. По дороге домой в голове набухал огромный ком, и она сказала, что у нее началась мигрень.

«Сегодня душно. Зимой ужасно сухой воздух. Я устала ходить... Мне нужно отдохнуть», – пожаловалась она. Мать прислонилась к дому, к той его стене, что выходила на дорогу, и отвернулась, закрыв рукой лицо, чтобы я не видел его выражения.

Но я знал, что дело не в погоде, не в усталости и не в зимнем сухом воздухе. Она прятала от меня лицо в отчаянной попытке усмирить душевную бурю.

Наш четырехэтажный дом вряд ли мог поразить кого-то своей красотой. У нас было двадцать соток земли. Дом стоял в северной части участка, а за ним находился захламленный двор и старая развалюха из камня. С первого взгляда было

понятно, что строили его с перерывами. Окна двух нижних этажей смотрели на запад, огромные двери выходили на дорогу – мать все еще не теряла надежды, что когда-нибудь мы откроем на первом этаже свою лавку. А два верхних этажа – с окнами на юг – в отличие от нижних не были облицованы землисто-желтой плиткой, и ничем не прикрытые стены из кирпича и бетона казались голыми.

Каждый раз, приезжая из Пекина и смотря издали на это удивительное строение, я думал, что оно похоже на коралл, который растет и отчаянно тянется вверх, а когда погибает, становится опорой и убежищем для другого коралла, и тот забирается еще выше, превращаясь в многослойное нагромождение бранных живых и мертвых существ.

В Пекине, сидя за своим рабочим столом и устав от дел, я открывал карту в Google и приближал ее до тех пор, пока не находил свою деревню и очертания родного дома. Голубая планета надвигалась на меня, чтобы я мог разглядеть наше жилище, неуклюже примостившееся на краю участка. Сколько людей – проходя ли по переулку или без интереса глядя вниз из иллюминатора пролетающего самолета – видели этот странный дом, но вряд ли хоть один обратил на него внимание, не говоря уже о том, чтобы задержать на нем взгляд. Никто не догадывался, что происходило за его стенами, никто не подозревал, отчего у меня так болит душа. И как вновь не сравнить наш дом с кораллом, кусочки которого положили в аквариум, чтобы он оттенял пеструю красо-

ту разноцветных рыбок? Жизненный путь этого коралла, с его историей смерти и последующего существования, может быть, не менее трогателен и драматичен, чем история нашей семьи, но кому есть дело до такого ничтожного предмета?

Мать рассказывала мне ее очень много раз. Все началось, когда ей было двадцать четыре года, а отцу – двадцать семь лет. Знакомство двух молодых людей произошло под бдительным взглядом свахи. Они оба так смущались, что не решались посмотреть друг на друга. В тот день их жизни навсегда сплелись в одну. Участок земли, принадлежавший моему деду со стороны отца, конфисковало правительство, и с тех пор дед покатился по наклонной плоскости. Он пристрастился к опиуму, и семья вскоре разорилась. Мой восемнадцатилетний отец и его братья могли рассчитывать только на себя. Они знали, что родители не помогут устроить им жизнь, не найдут им жен. У отца не было ни дома, ни денег. На первом свидании он привел мою будущую мать к одному участку и сказал: «Я куплю тебе эту землю, а потом построю на ней большой дом».

И она поверила ему.

Они купили участок через три года после свадьбы. Отец отдал за него деньги, которые копил несколько лет, а также скромное матушкино приданое. Но это только земля, а где взять средства на строительство дома? В те годы отец еще путался с бандитами и не боялся ни бога, ни черта. Он бил

себя в грудь, обещая разным людям, что все вернет сполна, влез в долги, но добыл денег. Правда, хватало их лишь на половину дома, и он решил построить сначала фасадную часть, оставив место для заднего крыла, возведением которого обещал заняться позже.

Отец сдержал слово. Мать любила вспоминать об этом, ведь, пожалуй, то была лучшая пора их жизни.

По ее словам, она места не находила, что они задолжали такую круглую сумму – несколько тысяч юаней. Однако всякий раз, как мать упоминала об этом, отец небрежно бросал: «Ерунда, мы легко вернем деньги». Она с явным волнением описывала и те моменты, и выражение отцовского лица, а в конце всегда повторяла: «Я-то тогда знала, что ваш отец – настоящий мужчина!»

Но все-таки он оказался не таким храбрецом, каким сам себя представлял. Раньше отец был бесстрашным лишь потому, что понятия не имел, сколько всего стоит бояться. Мать часто так говаривала, чтобы подразнить его.

Спустя год у моего отца родился сын, то есть я. Семейная легенда гласит, что, впервые взяв меня на руки, он потом всю ночь не мог заснуть. На другой день отец очнулся ни свет ни заря, разбудил мою мать и спросил: «Да что, черт возьми, со мною такое, почему мне так страшно?»

С того момента навсегда исчез бесстрашный и беззаботный человек, его заменил хмурый, с вечной тревогой на лице мой отец – отец, которого я знал. Беспокойство лишило его

аппетита. Мать уже догадалась, что он далеко не такой мужественный, каким хотел казаться. На третий день после родов нас с мамой выписали из больницы – денег, чтобы дольше там оставаться, у родителей не было.

На самом деле я был вторым ребенком. У меня есть старшая сестра. По закону я «лишний», и поэтому, чтобы родить меня, мать сбежала в далекий Сямынь. Обратно мы могли вернуться только на попутках. Отцу вообще грозило увольнение со службы, поскольку он нарушил закон и завел второго ребенка. Когда родители вышли из больницы, отец взял меня на руки. Обессиленная после родов мать с трудом пыталась как-то самостоятельно справиться с дорогой. Дело в том, что денег на машину не было, и они молча брели к шоссе, ломая голову, как им вернуться в родной дом.

Родители подошли к озеру. Отец беспомощно уставился на воду.

– Как же мы попадем домой? – обернувшись к матери, спросил он.

– Давай пройдем еще немного. Где дорога, там и путь, – едва не теряя сознание от боли, выдавила она улыбку.

Отец сделал несколько шагов и вновь повернулся к ней:

– Ты правда думаешь, что мы сможем туда добраться?

– Иди вперед. Просто иди.

Завернув за угол на перекрестке, они нос к носу столкнулись со своим соседом, который приехал в Сямынь за покуп-

ками.

«Иди вперед. Просто иди», – с тех пор как мать впервые произнесла эти слова, ей то и дело приходилось повторять их, чтобы подбадривать человека, когда-то обещавшего служить ей опорой всю свою жизнь.

Отца, как он и опасался, уволили со службы. Еще его оштрафовали, лишив на три года зернового пайка. Отец был так подавлен, что все это время просидел дома, даже не попытавшись найти себе работу. Мать, ни разу ни в чем его не попрекнув, хваталась за любое, что ей предлагали: шила одежду, ткала, упаковывала товары. Уголь она подворовывала у соседей, рыбу выпрашивала у родственников. Мать не бранила отца, но и не утешала его. Три года, выбиваясь из сил, она содержала семью и никогда не жаловалась.

Но в один не самый прекрасный день все изменилось. Отец вышел из дома, чтобы, как обычно, медленно прогуляться до ворот. Остановился у калитки и оглядел наш двор. Посмотрев на овощи, которые выращивала мать, на кур и уток, которых она разводила, он повернулся к ней и вдруг заявил: «Я собираюсь подыскать работу». Спустя месяц он отправился в Нинбо, нанялся там моряком и уплыл.

Через три года он вернулся – и вернулся с деньгами. Их хватило на то, чтобы построить дом из камня.

Отец тратил деньги не глядя. Он нанял мастера, чтобы тот вырезал на каменной плите двух птиц и каллиграфическую парную надпись с их именами – его и жены. Надпись отец

сочинил сам. Все это делалось втайне от матери. Пока шла стройка, плита была обернута в красную ткань; когда настал наконец великий день, отец ее сдернул и мать увидела, что дом теперь украшают их имена.

Мне тогда было шесть лет. Помню, как мама ахнула и прикрыла рот, изумленно уставившись на парные надписи, а папа с гордым видом стоял рядом с ней.

На следующий день родители закатали пирушку для соседей. Среди шумных тостов и поздравлений отец объявил, что не собирается возвращаться в Нинбо.

Родственники бросились его разубеждать. По их понятиям, ему страшно повезло, ведь моряки получают намного больше, чем они, простые сельские труженики; кроме того, на корабле всегда подворачивалась какая-нибудь дополнительная работенка или чьи-то поручения со стороны. Отец не стал ничего объяснять. Он только махнул рукой и повторил, что ни за что не вернется обратно. Родственники пытались перетянуть мать на свою сторону, но она лишь тихо сказала, что раз уж отец решил, то и не стоит об этом говорить.

Отец так и не вернулся в Нинбо. На деньги, оставшиеся от строительства дома, он сумел открыть гостиницу, ресторан, где подавали морскую живность, продуктовую лавку и бензозаправку. Но дела шли всё хуже и хуже, и с каждой неудачей с отца словно слезала кожа. Он стал неряшливым, угрюмым и молчаливым. Однажды – я тогда уже учился в старшем классе – он пошел после обеда открывать лавку и неожиданно

рухнул прямо во дворе. С ним случился первый инсульт.

Отца увезли. Когда он лежал на больничной койке и ждал операции, мать наконец решилась спросить:

– Что случилось в Нинбо? Ты от чего-то убежал?

Отец ухмыльнулся, обнажив почерневшие от курения зубы.

– Я так и знала, – тихо сказала мать.

От каменного дома, который построил тогда отец, теперь осталась лишь южная стена.

Каждый раз, когда я приезжаю в родную деревню, я подхожу к ней и разглядываю наш дом. Северную стену главной, центральной части снесли, но левое, западное крыло, где отец поселился после инсульта, а также правое, восточное крыло, в котором жила сестра до замужества, – они еще стоят. В западном крыле отец перенес второй инсульт, у него отнялась вся левая часть – в этом наполовину парализованном теле он и протомился до конца своей жизни. В восточном крыле жила сестра; когда-то, рыдая, она сказала мне, что ей суждено выйти замуж только за бедняка, потому что родители не потянут хорошего приданого. Она решила, что незачем знаться с теми, кто богаче ее, и порвала со многими друзьями.

Я хорошо помню тот вечер. Она пошла гулять со своим парнем, но минут через пятнадцать вернулась. Одна. Пряча от родителей, сестра кралась в комнату и молча позвала

меня за собой. Сестра раскраснелась, в глазах застыли слезы, но ни одной слезинки по щеке так и не скатилось. Она долго не могла отдышаться, а потом наконец сбивчиво проговорила: «Пообещай, что никогда не будешь о нем спрашивать. И родителям скажи, что ничего не знаешь».

Я кивнул.

Только спустя много лет я понял, что в тот вечер парень поинтересовался, какое у моей сестры приданое.

Потом мать сдала старый дом семье, переехавшей в нашу деревню. Они платили сто пятьдесят юаней в месяц, и за десять лет она ни разу не повысила цену. Постояльцы ютились вшестером вместе с собакой. Они так плотно набились в наш дом, что в нем и следа от прошлого не осталось.

Когда они только переехали, я пару раз заходил туда в поисках какой-нибудь вещи. На полу, который жильцы уже успели залить жиром и маслом, еще виднелись отдельные пятна крови – полупарализованный отец довольно часто падал, – а место под лестницей, где он с такой любовью оборудовал мне местечко для игр, уже было завалено хламом.

Мать тоже часто забегала в старый дом. Даже не знаю, делала ли она это с какой-то целью или ее бессознательно тянуло туда.

Как мне кажется, мать специально впустила их в наш дом, надеясь, что только такая большая и шумная семья, втиснутая в столь малое пространство, сможет пропитать его и ра-

достью, и бедами, вытеснив наполнявшие его когда-то наши счастье и горе.

Наверное, мать нуждалась в том, чтобы чужая жизнь тонким слоем покрыла нашу прежнюю, отдаляя нас от нее.

Сказать по правде, новый четырехэтажный дом, в котором она живет сейчас, кажется мне чужим.

Этот дом построили, когда я учился в выпускном классе. К тому времени отец болел уже два года. Однажды мать позвала меня к себе в комнату, достала из среднего ящика стола пачку денег и сказала, что у нас есть сто тысяч. То были наши общие деньги – ведь мать горбатилась на бензозаправке, сестра готовила бухгалтерские отчеты, а я редактировал разные тексты и занимался репетиторством. Мама заявила, что теперь я глава семьи и потому должен решить, как с ними поступить. Без особых раздумий я ответил, что нужно копить дальше.

Целых два года мать каждый вечер, часов в восемь-девять, уходила из дома, захватив с собой мешок. Вернувшись, она оставляла что-то во дворе, а потом появлялась перед нами, притворяясь, будто ничего странного нет в том, что она пропадает неизвестно где в одно и то же время. Мы с сестрой делали вид, что ничего не замечаем. Вскоре я понял, что мать тайком ходит на рынок и подбирает там подпорченные овощи и зелень, брошенные продавцами. На следующий день она готовила их и подавала с мясными тефтелями. Отличный обед для всей семьи.

Когда мать возвращалась с рынка, то тихо, стараясь это сделать незаметно для нас, оставляла овощи во дворе. Утром она тщательно перемывала их, срезая подгнившие места, после чего уже спокойно выкладывала для готовки на кухонный стол. Мы никогда не обсуждали эту тему, поскольку знали: если секрет будет раскрыт, нам придется несладко.

Но в тот вечер, когда мать достала из стола деньги, она сказала, что нам нужен дом.

– До того как отец заболел, он говорил, что хочет построить дом. Я тоже этого хочу, – так она аргументировала свое желание.

– На лекарства уходит куча денег, – возразил я.

– Я хочу построить дом, – повторила она.

В своем упрямстве она напоминала маленькую девочку, которая отказывается уходить из магазина без полюбившейся ей игрушки.

Я кивнул. Выходит, мы долго еще будем есть овощи и зелень, появляющиеся на нашей кухне «неизвестно откуда». Но тут я вспомнил, как некоторые родственники, заведя нас издали, резко сворачивали в сторону, а когда мы приносили жертвы в храм, делали вид, будто не замечают нас.

До меня дошло, что новый дом должен стать неким посланием миру – когда он будет построен, моя мать сможет ходить с высоко поднятой головой.

После тщательных расчетов стало ясно: денег хватит лишь

на то, чтобы снести половину старого дома и возвести пару этажей. Мать, проучившаяся всего несколько классов, самостоятельно начертила план дома и сама выбрала благоприятный день для начала строительства – буквально за пару недель до моих вступительных экзаменов в университет. Отец – после первого инсульта – жил с матерью в левом крыле дома, а сестра – будучи девицей на выданье – заняла правое крыло. Поскольку старый дом решено было снести, для меня уже не оставалось места, и я переехал в школьное общежитие.

За неделю до начала строительства и сноса старого дома мать купила длинную связку петард. Каждый день, в надежде на то, что будет светить солнце, она раскладывала их на крыше для просушки. Благодаря этому, по ее словам, они будут трещать громче и звонче. Но лето в том году выдалось на удивление дождливым. Несколько раз после обеда начинался ливень, и мать, заслышав стук капель, со всех ног мчалась к дому, стаскивала с крыши петарды и осторожно сушила их теплым феном – в общем, возилась с ними, как с младенцами.

Наконец наступил день, на который был назначен снос. Один из строителей подошел к стене и по традиции несколько раз торжественно ударил по ней молотком – в знак начала стройки. Час пришел. После этого мать на глазах у всех соседей вышла на середину дороги, медленно развернула длинную связку петард и подожгла фитиль.

Раздался оглушительный треск. Петарды громко взрывались, взметая дорожную пыль, и сизый дым поднимался вверх, окутывая нашу улочку. Я уловил глубокий и протяжный вздох матери, стоявшей рядом со мной.

Строительство дома – процесс довольно нервный, особенно для тех, кому приходится влезать в долги. Мать металась между бензозаправкой и стройкой и везде пахала наравне с мужчинами. В ней не было и пятидесяти килограммов, но она катала тяжелые бочки с горючим на заправке, а на стройке подавала кирпичи. Сгибаясь под тяжестью ноши, она лавировала между высокими, с нее ростом, башнями кирпичей. А ведь еще оставался полупарализованный отец – и после этих неженских трудов она помчится ухаживать за ним.

Я волновался за нее – разве с такой мамой можно было оставаться спокойным хоть на минуту? Именно поэтому каждый день после занятий я со всех ног бежал домой, на стройку. А она улыбалась, улыбалась даже тогда, когда пот стекал с нее ручьями. Иногда в полном изнеможении она ложилась прямо на землю и отдыхала, пока не восстановится дыхание. Но даже тогда – измученная, задыхающаяся, в строительной грязи – она улыбалась.

Если кто-то проходил мимо нашего участка, она всякий раз резво вскакивала на ноги и громко, как бы в никуда, говорила: «Сынок-то мой решил вот дом перестроить перед свадьбой. Я ему все твержу, что не нужно, а он стоит на сво-

ем. Что ты будешь делать? Ну, раз у него такие планы, надо же его поддержать».

В конце концов, за неделю до экзаменов, случилось то, чего я так боялся. Однажды во время строительных работ мать схватилась за живот и рухнула без чувств. Врачу много времени не потребовалось, чтобы поставить диагноз – острый аппендицит.

Пока я добирался до больницы, операция началась и уже закончилась. Влетев в палату на втором этаже, я нашел ее, полусидящей на кровати. Мать посмотрела на меня с улыбкой и спросила: «Ну что, фундамент уже готов?» Она боялась, что я начну кричать на нее.

Скорее всего, я так и сделал бы, но вдруг услышал, как в коридоре кто-то шаркает, стучит костылем и тяжело дышит. Это был отец. Похоже, узнав, что случилось с матерью, он вышел из дома, доковылял с костылем до шоссе, поймал машину и доехал до больницы. Дорога заняла у него три или четыре часа.

Отец медленно, опираясь на костыль и подволакивая ногу, вошел в палату, осторожно присел на краешек соседней койки и с облегчением выдохнул. Тяжело дыша, он впился глазами в мать и спросил:

– Ну ты как? Все нормально?

Она кивнула.

Его губы задергались и скривились, когда он, заставляя работать мышцы лица, пытался отдышаться. Повторил:

– У тебя точно все в порядке? – опять спросил он.

Его глаза покраснели. Он скривил рот, словно ребенок, который вот-вот заплачет.

– Действительно все в порядке? – повторил он.

Я смотрел на них и не мог выдать ни слова.

Дом строили примерно полгода. Когда стройка подошла к концу, я уже уехал учиться. Наших накоплений, конечно, оказалось недостаточно – мать даже не смогла заплатить плотнику, который делал ворота. Ей пришлось просить денег у родственников, но сколько именно – она не признавалась. Теперь еженедельная выручка, которую давала бензозаправка, уходила на раздачу долгов.

Когда пришло время вселяться в новый дом, мать, решив не нарушать местной традиции, затеяла новоселье для родственников, хотя на него пришлось истратить не менее десяти тысяч юаней.

Тем вечером она все время улыбалась. Когда гости разошлись, мать потребовала, чтобы мы с сестрой собрали недоеденные закуски. Это означало, что всю ближайшую неделю мы будем питаться только этими объедками.

Первой не выдержала сестра:

– Зачем так необдуманно разбрасываться деньгами?

Мать, не говоря ни слова, продолжала убирать со стола грязную посуду. Поскольку сестра уже нарушила молчание, я тоже решил и раздраженно заметил:

– Не представляю, как я оплачу учебу за будущий год.

– Почему тебе не плевать, что подумают люди?! Ты лучше скажи, где мы возьмем деньги на лекарства? Где возьмем деньги за университет? – с горечью воскликнула сестра и заплакала.

Мать долго молчала. Единственное, что нарушало тишину, был плач моей сестры.

– Вы знаете, ради чего я живу? – неожиданно громко спросила она. – Я живу ради этого. Чтобы хоть раз вздохнуть с облегчением. Чтобы высоко поднять голову. И ничто другое не имеет значения.

С тех пор как у отца случился удар, мать впервые так на нас рассердилась.

Я устроился на полставки в редакцию газеты, а во время летних и зимних каникул подрабатывал учителем на подготовительных курсах в школе, поэтому жить в новом доме приходилось лишь время от времени, как в гостинице.

Сначала отец был очень доволен этим домом. Опираясь на костыль, он с трудом добирался до ворот, усаживался там и заговаривал с прохожими: «Вы только гляньте, какую машину отгрохала моя женушка!»

Не знаю, кто ему что нашептал, но не прошло и недели, как он заговорил совсем по-другому: «Моя старуха пожалела денег мне на лечение, но построила дом сыну, чтобы утереть нос соседям! На меня ей плевать! А я ведь даже ходить не

могу!»

Каждый раз, когда мать входила в дом или выходила из дома, он осыпал ее злобными упреками. Она делала вид, что ничего не замечает, но слухи в маленьком городке расходятся быстро, особенно если их распускает несчастный калека.

Однажды вечером мне в общежитие позвонила тетя и велела немедленно возвращаться домой. По ее словам, мать сказала ей в тот день нечто очень странное: «Передай Чернышу, что я выплатила почти все долги, только плотнику осталось отдать три тысячи. Это нужно сделать обязательно, ведь он так нам помог. Отец должен пить таблетки от сердца каждый день в семь часов вечера. Надо следить за тем, чтобы их запаса хватало не меньше чем на месяц. Отец непременно должен их пить, что бы ни случилось. Я скопила немного денег за дочери на приданое, да и мои украшения можно продать; остальное, думаю, она и сама сможет собрать, если будет усердно трудиться».

Я бросился домой. Мама сидела за столом. Перед ней стояла пиала с ее любимым супом из постной свинины и имбиря. Она всегда готовила его, если ей нездоровилось. То ли он правда обладал целебными свойствами, то ли мать так сильно в это верила, но на следующий день она и впрямь обычно выздоравливала.

Мать услышала, что я вошел, но ничего не сказала.

– Что ты делаешь? – первым заговорил я.

– Вот суп приготовила, – ответила мать.

Я заглянул в пиалу и увидел, что суп выглядит намного гуще, чем обычно. Я догадался почему. Подошел к столу и забрал у нее миску.

Мы понимали друг друга без слов.

Я пошел выливать суп, а она, громко зарыдав, закричала.
– Думаешь, я сдалась? Думаешь, легко было решиться на такое? Я не могу отступать! Это так унижительно!

Тот вечер внезапно обнажил то, что таилось в наших душах. Мы оба думали, чтобы покончить со всем разом в тяжелые для нашей семьи времена. Эта мысль витала над нами, словно злой дух. Но никто из нас не решался об этом заговорить.

Я думал, что она не вынесет, если я признаюсь первым, а она думала так про меня.

И вот призрак обрел плоть.

Мать молча повела меня на второй этаж. Отец, безмятежно посапывая, дремал после обеда. Она открыла ящик стола и достала коробку. В коробке лежал бумажный конверт, завернутый в шелковый платок.

Это был крысиный яд.

Пока отец безмятежно похрапывал, мать спокойно объяснила:

– Я купила его после того, как отец заболел. Мне столько раз казалось, что я больше не выдержу... каждый раз хотела добавить его в суп, но духу не хватало, и снова его прятала.

– Нет, так не пойдет. Не надо. Я не верю, что мы не спра-

ВИМСЯ.

В тот вечер я убеждал ее, что она не может покончить с собой, не получив моего разрешения, поскольку я глава семьи. Она пообещала, что не будет этого делать. Мама сидела рядом со мной и плакала как ребенок.

Я забрал у нее яд и почувствовал, что и правда стал главным.

Впрочем, мне явно не хватало выдержки. Спустя неделю, когда отец в очередной раз вышел из себя, я вынул яд и заорал: «Может, нам всем лучше сдохнуть?!» Домашние обомлели. Мать сердито вырвала у меня пакетик и спрятала его в карман.

Ей удалось превратить мрачный секрет в эффективное средство против семейных раздоров. Если мы начинали ссориться, она ни слова не говоря поднималась на второй этаж, и мы сразу затихали, прислушиваясь. В такие минуты мы могли думать лишь о том, правда ли хотим смерти. Гнев и раздражение таяли. Разве можно злиться, когда думаешь о таком?

Можно сказать, крысиный яд, ни разу не послуживший своей прямой цели, практически исцелил нашу семью, сумев притушить все недовольства и обиды, которые болезнь и бедность навлекали на нас.

После первого курса, когда я приехал домой на летние каникулы, мать снова позвала меня в свою комнату и достала

стопку купюр.

– Давай надстроим еще два этажа?

Я не знал: плакать мне или смеяться. Целых три года мы из кожи вон лезли, чтобы выплатить долги. Порой я с трудом находил деньги для оплаты своего обучения. А мать опять за свое!

Она нервно вертела в руках пачку денег. Лицо ее покраснелось. Она была похожа на генерала, отдающего приказ залечь в окопы перед последней битвой.

– Ни у кого здесь нет четырехэтажного дома. Если мы надстроим два этажа, то сможем наконец высоко держать голову, – проговорила она.

Тогда я понял, что гордости и упрямства в матери намного больше, чем я предполагал. Ей было мало просто высоко держать голову – она хотела возвышаться над соседями.

Еще я знал, что не смогу ей возразить.

Все оказалось так, как она и планировала: мы достроили два этажа, и в деревне начался переполох – соседи только и судачили о нашем четырехэтажном доме. Когда треск последней петарды ознаменовал окончание стройки, мать взяла отца под руку, и они чинно отправились на рынок.

Прогуливаясь по рынку, она с важным видом заявляла знакомым: «Подождите, вот через пару лет мы с сыном снесем старый дом и сделаем уютный дворик. Обнесем его стеной. Когда все будет готово, обязательно приходите посмотреть».

Отец, с трудом ворочая непослушным языком, поддакивал: «Да-да, вот увидите».

Только через год после этой прогулки неожиданно умер отец.

А через два года после этой прогулки мать увидела на доске объявлений в сельской администрации план сноса, на котором карандашная линия вонзалась прямым в середину нашего дома.

На обратном пути из администрации мать вдруг обратилась ко мне:

– Давай дом достроим?

– Конечно, – ответил я.

– Ты, наверное, думаешь, это глупо? Ты думаешь, я такая упрямая. Ведь его же скоро снесут. И снова придется пахать от зари до зари, и снова потратить кучу денег... Сама не знаю, зачем мне это надо, – принялась оправдываться она.

Вдруг мать зарыдала в голос:

– Я одно знаю, что, если бы мы его не построили, я была бы несчастна всю свою жизнь. Не имеет значения, где я в конце концов буду жить, мне все равно, где я окажусь.

Мы вернулись домой, поужинали, посмотрели телевизор. Мама рано легла спать. Похоже, мрачные мысли совсем ее измотали. А я никак не мог заснуть. Наконец я встал с кровати и включил в доме свет. Впервые за все эти годы я по-настоящему увидел, что меня окружает. Я разглядывал каждый уголок дома – это было как увидеть знакомое лицо и понять,

что оно, оказывается, постарело, что со своими морщинами, пигментными пятнами и шрамами оно вдруг стало чужим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.